

«Хамелеон»

Анализируя рассказ «Хамелеон», следует обратить внимание на проникновение идеи произведения в его композицию, образы, язык.

Начало и краткий финал рассказа, написанные в эпически-спокойных тонах от имени как будто бы стороннего наблюдателя, составляют своеобразную рамку и подчеркивают незначительность и самого центрального «события», и его участников, и их «бурных страстей». Здесь же дается намек на то, что эпизоды, подобные центральному, далеко не являются исключением. Некоторыми деталями Чехов заставляет представить, что произошло до этого случая и мысленно следовать за Очумеловым в предчувствии подобных событий. Автор так ведет повествование, что в шестивии Очумелова по базарной площади история с собачонкой предстает как один из характерных эпизодов его «служебной деятельности». Вначале вскользь сказано, что за полицейским надзирателем, у которого в руках «узелок», городской несет решето, «доверху наполненное конфискованным крыжовником»; «узелок» (по-видимому, с очередной «данью») и «конфискованный крыжовник» создают впечатление как о только что проявленной Очумеловым «власти» (произведенной «расправе»), так и о том, что устранение всякого рода «беспорядков» производится представителями власти (Очумеловым и Елдыриным) обычно небескорыстно.

К этим первым впечатлениям присоединяется знакомство с поведением Очумелова в основном эпизоде (с собачонкой), и это готовит читателя к восприятию финальной фразы («разобрав» дело, Очумелов «запахивается в шинель и продолжает свой путь по базарной площади»), из которой явствует, что «подвиги» Очумелова еще не закончены, и можно, мысленно следуя за ним, представить себе их продолжение.

Центральный эпизод рассказа драматизирован («сценка»). Автор, таким образом, устранен; он выступает в этой части лишь с нейтральными, не фиксирующими на себе внимания репликами: «замечает городской», «говорит Очумелов» и т. д. Напротив, через речь действующих лиц отчетливее обозначается их внутренний мир и отношение к факту, вырастающему в ограниченном сознании в целое событие. Комедийную основу рассказа составляет несоответствие: незначительность важного для героев вопроса (кому принадлежит собака) и серьезный, страстный тон обсуждения этой несерьезной «проблемы». Комический элемент заключен также в самой конструкции центрального эпизода. В соответствии с заглавием рассказа и с его идейным содержанием (разоблачением деспотической и рабьей сущности современной жизни) — это цепь «превращений», причем «хамелеоном», меняющим свою окраску сообразно обстоятельствам, оказывается не только Очумелов, хотя в нем черты «хамелеонства» наиболее наглядны и интенсивны. Через «трансформации» Очумелова Чехов в предельно лаконичной форме создает впечатление, что деспотизм и рабство являются двумя концами одной и той же цепи. Последовательность этих «превращений» такова:

1. Услышав шум на базарной площади, чужая «беспорядок», Очумелов становится в охранительно-деспотическую позицию, принимает вид человека «власть имущего», говорит строго, начальническим отрывистым тоном, небрежно, не кончая фразы, пропуская слова: «По какому это случаю тут? Почему тут? Это ты зачем палец? Кто кричал?» Величественно «шевели бровями», он многозначительно выслушивает «пострадавшего» Хрюкина, глубокомысленно «обдумывает положение» и, чувствуя себя представителем власти, принимает безапелляционное, справедливое, по его понятиям, «законное» решение: наказать хозяина «безнадзорной» собаки, уничтожить собаку. Чехов показывает, что мысленно Очумелов уже не только «распекает» виновника «беспорядка» — хозяина собаки («Я этого так не оставлю! Я покажу вам, как собак распускать...»), но и не без удовольствия предчувствует возможность «штрафа».

2. Высказанное в толпе предположение, что собака принадлежит генералу Жигалову, заставляет Очумелова принять другую «окраску»: он берет под защиту собаку, виновником в его глазах оказывается Хрюкин, и на него распространяется теперь его немилость, готовность «казнить»: «Как она могла тебя укусить? Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь — известный народ! Знаю вас, чертей... Не рассуждать!»

3. Предположение, что собака принадлежит генералу, отводится городовым, и Очумелов вновь возвращается к своей исходной «расцветке»: он проявляет свою власть по отношению к собаке и ее хозяину, выносит беспрекословное решение: собаку нужно «истребить», Хрюкину необходимо защищать свои права пострадавшего, а хозяина собаки «нужно проучить. Пора!»

4. Сомнения городского («А может быть, и генеральская... на морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел») и подтверждение из толпы («Вестимо, генеральская») заставляет Очумелова принять «защитную окраску», уже большей, чем во втором случае, интенсивности. Рабья трусость его возрастает до заискивания перед собакой генерала, и соответственно увеличивается деспотически грубая сила, с которой он обрушивается на «виновника»: «Ты отведешь ее к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашел и прислал... И скажи, чтобы ее не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака — нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!».

Комический эффект, кстати, здесь, как и в других звеньях цепи «превращений», достигается Чеховым также лексическими и интонационными особенностями: резкими переборами стиля (от нежно-заботливого тона по отношению к собаке до резкого по отношению к Хрюкину), непривычным алогичным сочетанием слов («нежная тварь»), грамматической несвязностью («каждый свинья»), переносом общих понятий на частное и наоборот («Ты ведь... известный народ...» «Ежели каждый будет кусаться...»).

5. Отрицание принадлежности собаки генералу таким авторитетным «свидетелем», как Прохор — повар генерала, возвращает Очумелову близкую к первому и третьему случаю окраску: он снова принимает в решении судьбы собаки безапелляционный начальственный тон: «Она бродячая!.. Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть и бродячая... Истребить, вот и все».

6. Но новая (и достоверная) версия: собака принадлежит брату генерала — вновь «перекрашивает» Очумелова; холопское умиление его не знает границ: распространяется и на самого генерала, и на «их братца», и на «ихнюю собачку». В экстазе раболепия Очумелов не забывает, однако, своей грозной роли «власть имущего»: «Я еще доберусь до тебя», — обещает он единственному для него теперь виновнику происшедшего и источнику возможных неприятностей с генералом — Хрюкину.

Демонстрируя эти шесть контрастных положений полицейского надзирателя, проявление в нем попеременно то деспотической, то рабьей сущности, Чехов реализует метафору (его «бросает то в жар, то в холод») словами Очумелова: «Снями-ка, Елдырин, с меня пальто»; «Надень-ка, Елдырин, на меня пальто».

Параллельно с «трансформациями» Очумелова Чехов показывает «превращения» Хрюкина и тем самым создает впечатление о типичности подобного «хамелеонства» для современности. Хрюкин так же, как и Очумелов, поставлен в положение сильного (по отношению к более незащитному существу — собаке) и в положение слабого (по отношению к Очумелову). Он дразнил собаку, причинял ей боль («тыкал цыгаркой ей в харю для смеха»), по-видимому, бил ее (скрытая в подтексте деталь: собака бежит, «прыгая на трех ногах»), запугал ее так, что она «дрожит всем телом», в глазах ее «выражение тоски и ужаса», вынудил защищаться («а она, не будь дура, и тыпни»). «Пострадав», Хрюкин

готов уничтожить собаку и уже мечтает «сорвать за повреждение пальца» с хозяина ее, так как чувствует за собой право, закон и силу («брат в жандармах»).

Но Чехов показывает, что окраска Хрюкина меняется при Очумелове и находится в полной зависимости от того, оказывает ли Очумелов покровительство Хрюкину или, напротив, обвиняет его. Раболепие его возрастает, а уверенность в выигрышности своего положения уменьшается по мере приближения к финалу: сначала он, хоть и униженно «кашляя в кулак» и извиняясь перед «их благородием», уверенно отстаивал свои права («Я человек, который работающий. Работа у меня мелкая. Пушай мне заплатят, потому — я этим пальцем, может, неделю не пошевельну»); затем, испуганный немилостью Очумелова, заискивает перед ним, льстит, но все же, хоть и растерянный уже, надеется еще на свое торжество («их благородие умный человек и понимает, ежели кто врет, а кто по совести, как перед богом. Пушай мировой рассудит... У него в законе сказано... Нынче все равны»). Но в последней части рассказа Хрюкин, убедившись в том, что сила не на его стороне, рабски присмирив, умолкает.

Стоит обратить внимание не только на изображенную Чеховым крупным планом фигуру «представителя» современной власти (Очумелов), не только проследить, как хлопотство и грубая сила показаны в образе одного из обывателей (Хрюкина), но и уяснить, что Чехов некоторыми намеками в начале рассказа и реакцией толпы в середине и финале создает впечатление о преобладающем тоне жизни «толпы». Запуганность, забитость, отсутствие живой, активной, шумной жизни выступает из выразительной детали в первых строчках рассказа: «Кругом тишина... На площади ни души». Эпитеты: «унылый, сонный» определяют жизнь обывателей, а реакция на «событие» закрепляет представление об их пассивности, рабском сознании. Сначала безучастная, равнодушная к судьбе собаки и «пострадавшего», «толпа» как бы выжидает, куда будет направлена сила. Увидев, что «власти» не на стороне Хрюкина, смелеет (один даже «подливает масло в огонь» подробностями столкновения Хрюкина с собакой и характеристикой его как «вздорного человека»), а став свидетелем поражения Хрюкина, окончательно определяет и выражает к нему свое отношение: «Толпа хохочет над ним».

В заключение стоит отметить, что рассказ «Хамелеон», впервые печатавшийся в юмористических журналах начала 1880-х, был подчинен требованиям этих журналов — малая форма, юмористическое содержание и т. д., но значительностью поставленной проблемы, глубиной наблюдения за жизнью, остротой ее разоблачений и мастерством художественного исполнения он далеко за собой оставил рассказы других авторов-юмористов.

По М. Семановой

Тема «человек и чин» звучит и в рассказе Чехова «Хамелеон» (1884).

Вспомним полицейского надзирателя Очумелова из этого рассказа. Строгий и горделивый, шагает он по базарной площади. Услышав шум, он не просто поворачивается, а «делает полуоборот налево и шагает к сборищу». Напускная важность Очумелова при разборе «дела» об укушении мастера Хрюкина неизвестной собакой, его начальственно отрывистая и маловразумительная речь: «По какому это случаю тут?.. Почему тут? Это ты зачем палец?» — все это создает образ величественного стража порядка, воплощающего в себе всю строгость и справедливость закона. Но все это величие, пошевеливание бровями и, наконец, решительное намерение истребить провинившуюся собаку — мгновенно исчезает, едва лишь Очумелов узнает, что перед ним не просто собака, «бродячий скот», а собака генерала Жигалова. И, может быть, самое смешное в том, что, струхнув, «страж закона» пытается сохранять начальственную осанку, грозный, устрашающий вид. В зависимости от того, кому он считает принадлежащим белого борзого щенка, он грозит то щенку, то Хрюкину, но по отношению к толпе он по-прежнему держится строго и важно.

Очумелов для Чехова — отвратительное и безобразное воплощение порядка, построенного на неравенстве. Как было дело, кто в действительности виноват — это не имеет для Очумелова никакого значения. Кто сильнее, тот и прав.

Хамелеонство Очумелова — не просто личное свойство. Это черта социальная, порожденная строем жизни с его неравенством, делением людей на сословия, разряды, на «высших» и «низших», на «толстых» и «тонких».

По З. Паперному